

«РАСПРАВА» НАД ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ» В СЕРЕДИНЕ XX в.:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТАТАРСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
В СВЕТЕ АВГУСТОВСКОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ 1944 г.

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
alfiya1955@gmail.com*

Цель: изучить значение постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» для развития татарской исторической мысли и культуры в постсоветской историографии.

Материалы исследования: документы из федеральных и республиканских архивов, научные публикации по теме статьи.

Результаты и научная новизна: анализ историографии истории средних веков в Татарской АССР, деятельности специалистов по Золотой Орде показывает, что в постсоветской историографии значение августовского (1944 г.) Постановления на развитие татарской гуманитаристики преувеличено. Официозные попытки канализировать ход ее развития носили во многом характер парадной формальной риторики. В среде татарской интеллигенции научный дискурс сохранялся даже в период позднего сталинизма, не говоря уже о периоде «оттепели». Об этом убедительно свидетельствуют развернувшаяся в начале 1950-х гг. дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории», достижения М.Г. Сафаргалиева Ш.Ф. Мухамедьярова, М.А. Усманова, А.Г. Мухамадиева в области изучения золотоордынской проблематики. Наряду с оппортунистическими проявлениями творческая среда демонстрировала наличие глубоко укорененных идей и представлений, выходящих за рамки идеологических предписаний. Но деятельность ученых-гуманитариев носила во многом камерный характер, не имела широкого выхода к публике. Массовое сознание формировалось московскими учебниками, которые выпускались миллионными тиражами. В них средневековая история татар представала в виде зловещего ига, абсолютного зла. В этой связи эффективность влияния августовского (1944 г.) постановления следует связывать не столько с процессом развития гуманитарных наук, сколько с формированием стереотипов в общественном сознании, в котором оценка Золотой Орды носила негативный характер.

Ключевые слова: Татарстан, татары, советская национальная политика, коммунистическая идеология, татарская история, Золотая Орда, Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

Для цитирования: Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797

**“REPRISAL” FOR THE GOLDEN HORDE IN THE MID-TWENTIETH
CENTURY: THE IDEOLOGICAL DISCOURSE IN TATAR MEDIEVAL
STUDIES IN THE LIGHT OF THE DECREE OF AUGUST 1944**

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alfiya1955@gmail.com*

Abstract: *Objective:* To reflect on the increasing significance of the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944 “About the Condition and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work in the Tatar Party Organization” for the development of Tatar history and culture.

Research materials: This article is based on the documents from federal and republican archives, along with academic publications on the subject.

Results and novelty of the research: The analysis of the development of the historiography of the Middle Ages in the Tatar ASSR and the work of Golden Horde specialists demonstrates that in post-Soviet historiography, the significance of the August 1944 Decree for the development of Tatar humanities is exaggerated. The official attempts to channel the development of the Tatar historical school were, in many respects, of the nature of formal rhetoric. Among the Tatar intelligentsia, academic discourse persisted even during the period of late Stalinism, not to mention the period of the “thaw”. This was convincingly evidenced by the unfolding in the early 1950s of the discussion taking place in the pages of the journal “Voprosy istorii” (Questions of History), and the achievements of M.G. Safargaliev, Sh.F. Mukhamedyarov, M.A. Usmanov, and A.G. Mukhamadiev in the study of Golden Horde issues. However, the work of humanities scholars was of the nature of a chamber, and it did not have a wide outreach to the public. Mass consciousness was formed by Moscow-produced textbooks, which were printed in millions of copies. The medieval history of the Tatars was presented in the form of an ominous yoke, an absolute evil. In this regard, the effectiveness of the influence of the August 1944 Decree should be associated not so much with the development of the humanities as with the formation of stereotypes in the public consciousness, in which the assessment of the Golden Horde was a negative one.

Keywords: Tatarstan, Tatars, Soviet national policy, history of the Tatars, Golden Horde, Communist ideology, Decree of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944

For citation: Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797

9 августа 2019 г. исполнилось 75 лет со дня принятия Постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Эта дата является вполне уместным поводом для обсуждения историографической ситуации в историософии и культурогенезе татарского народа вообще и истории изучения Золотой Орды, в частности.

Конечно к сегодняшнему дню история изучения средневековой эпохи Татарстана получила достаточно серьезное освещение в научном континууме [1–6, 8–21, 25–29, 33–38]. Но, на мой взгляд, оно носит несколько однобокий

характер. Оценка августовского (1944 г.) Постановления в постсоветскую эпоху, когда начался активный, закономерный после господства коммунистической моноидеологии процесс критики советского этапа историографии, несколько преувеличена.

Анализ проделанной в 1950–1980-е гг. татарскими историками работы показывает, что расправы (я не случайно взяла это слово в названии статьи в кавычки) над Золотой Ордой не получилось. Официозные попытки канализировать развитие татарской научной исторической школы оказались, по моему мнению, тщетными. В этой связи можно даже провести некую параллель в судьбе Золотой Орды и рассматриваемого документа. Как в русской, а затем в российской и, наконец, советской историографии значение самой Золотой Орды, как тормозящего фактора в судьбе России, завышено и, более того, искажено, так и роль постановления 1944 г. в изучении ее истории отражена не вполне адекватно и противоречиво.

В этой связи обратимся к наиболее солидному, на сегодняшний день, научному изданию по истории Золотой Орды: III тому семитомного издания *Истории татар с древнейших времен* [13]. Во вступительной части его, содержащей характеристику историографической ситуации, говорится: «В Татарстане история Золотой Орды была фактически поставлена под прямой запрет и практически на три десятилетия вообще были заморожены любые исследования в этом направлении» [13, с. 29]. «Но как же заморожены? – напрашивается вопрос, – если через три страницы в этом же тексте авторы перечисляют труды Шамиля Фатыховича Мухамедьярова, Миркасыма Абдулахатовича Усманова, Азгара Гатаулловича Мухамадиева, явившиеся результатом их серьезных изысканий в 1950–1970-е гг. При этом к тому же здесь говорится, что выше названными учеными не отрицалась, а «подчеркивалась важная роль золотоордынского периода в истории татар» [13, с. 32].

Предвидя упреки оппонентов в том, что я и сама, оценивая идеологические условия деятельности татарской творческой интеллигенции в послевоенную эпоху, пусть и не столь категорично, как в приведенной мною цитате из III тома, но в том же паттерне писала: «Документ на десятилетия определил установки в области национальной политики для местных властей, перекрыл пути объективного изучения истории татарского народа» [6, с. 275]. А дальше ход моих рассуждений шел в русле противопоставленности двух позиций: принятие и реализация властных директив, с одной стороны, и жертвенная позиция интеллигенции, с другой [2, с. 147–154; 4, с. 335–346]. В свое оправдание могу, конечно, упомянуть, что наряду с обусловленными политическими факторами потерями в татарской культуре в 1950–1980-е гг. этногенетического характера, освещала и имевшиеся с точки зрения социо-, морфо-, формогенеза достижения [2, с. 204–216; 4, с. 335–346].

Безусловно, принятие августовского (1944 г.) Постановления, можно рассматривать как поворотную веху в обозначении процесса завершения этапа ревальвации национальной духовной сокровищницы, наметившегося в конце 1930-х гг. Здесь я имею в виду учреждение крупных национальных институций, свидетельствовавших о появлении и расширении возможностей для развития высокой культуры татар. Как известно, в этот период были открыты Татарская Государственная филармония, Татарский Государственный театр оперы и бале-

та, создан Государственный татарский ансамбль песни и пляски. Конечно, в основном эти учреждения являлись полем тихой мирной «развлекаловки» с национальной окраской. Но нельзя игнорировать факт учреждения в 1939 г. Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ставший важнейшим событием в развитии татарской гуманитаристики.

В годы Второй мировой войны процесс валоризации национальных культурных ценностей, пусть ситуативно, но даже усилился и развился на новом более высоком уровне. В этот экстремальный для государства период идеологический ригоризм в культурной политике вообще был отброшен: все средства были хороши для поднятия духа сражавшихся народов. Как справедливо пишет А.Ш. Кабирова: «С официального разрешения партийно-советских органов страны для усиления патриотического начала и подъема национального духа татарского народа стало возможно обращение к давно «закрытым», но бережно сохранным в этнической сокровищнице сюжетам героического прошлого... Татарская интеллигенция, «вспомнив» о времени существования могущественных средневековых татарских государств, обратилась к истории Золотой Орды, Казанского ханства, возродила образы Идгея и других национальных героев, отважно сражавшихся с врагами против захватчиков» [22, с. 180]

И все же, возвращаясь к значению Постановления, как судьбоносного документа, хочу остановиться на том, что оно не было чем-то великим и могучим по отношению к татароведению, каннибалистским в отношении его акторов и не превратило татарскую медиэвистику в выжженную землю.

В этой связи я хочу остановиться на прецеденте открытой конфронтации в среде татарской интеллигенции, шедшей в разрез с установками августовского (1944 г.) Постановления и череды последовавших после него директив и резолюций республиканского уровня. Как известно, в республике состоялись организованные на основе указаний ЦК ВКП(б) мероприятия в сентябре, октябре 1944 г., феврале 1945 г., направленные на желание властей «ввести в жесткие рамки официальных догм, прежде всего, научную и художественную интеллигенцию» [3, с. 447], генерирование в ней своеобразной презумпции виновности за так называемые националистические взгляды.

Однако, многие представители татарской творческой элиты имели против этого своего рода иммунитет, во многом благодаря тому, что их мировоззрение сложилось еще в стенах медресе, до господства тоталитарного единомыслия. Они не стремились уподобляться первым ученикам из фильма Марка Захарова «Убить дракона», оправдывавшим свою беспринципную сервильность неотвратимостью обстоятельств вербовки всемогущей драконовской системой. Были среди гуманитариев свои Ланцелоты, которые противостояли «дракониаде», отстаивая свое собственное поле научного творчества, сопротивляясь его идеологическому окаймлению.

В 1951 г. в одном из самых ведущих советских изданий исторической периодики – «Вопросах истории» – вышла статья Магомеда Гарифовича Сафаргалиева с критикой готовившейся к публикации коллективной монографии «История Татарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» [31]. Принципиальное возражение вызвали у него как раз отрицание роли золотоордынского компонента в формировании татарского этноса, болгарская теория происхождения татар.

Вслед за этой статьей в редакцию «Вопросов истории» написали Николай Иосифович Воробьев, Николай Филиппович Калинин и Хайри Гимади. Проявление такой дружной одновременной реакции наталкивает на мысль о ее заказном характере и говорит о том, что идеологическая машина в соответствии с рецепцией августовского (1944 г.) Постановления работала. Причем, на первый взгляд, действовала весьма эффективно, если учесть, что еще в 1949 г. Н.И. Калинин наряду с другими видными историками Борисом Дмитриевичем Грековым, Алексеем Петровичем Смирновым, Евгением Ивановичем Чернышевым, был обвинен в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар» [3, с. 448]. Иными словами, через два года он сумел «усвоить» идеологические уроки и написать то, что ждали от него власти.

Здесь уместно коснуться вопроса о степени последовательности официальных инстанций, об их компетентности в теоретических вопросах истории. Содержание обнаруженных мною в Центральном Государственном архиве социально-политической документации РТ черновых набросков (1949 г.) в связи с подготовкой постановления Татарского обкома ВКП(б) по сборнику статей «Происхождение казанских татар» свидетельствует о сумятице, путанице в обвинительных трактовках, обусловленной тем, что сами контролеры имели весьма зыбкое представление об очертаниях идеологически конвенционального русла. Так, в них, в частности, отмечалось: «Авторы сборника, желая доказать, что татары – это не чингизиды, встали на путь отрицания какого-либо влияния монгольского нашествия на формирование татар»¹. По сути дела, в готовящемся проекте документа первоначально формулировались критические замечания в отношении господствовавшего в верхах булгаристского тренда в теории происхождения татар.

Возвращаясь к дискуссии на страницах «Вопросов истории», отметим, что редакция, исходя из того, что «все три автора стоят на одинаковых позициях» [31, с. 12], выражавшаяся в принципиальной несогласии с точкой зрения Сафаргалиева, приняла решение опубликовать именно статью Гимади. Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграла его национальная принадлежность. Здесь уместно вспомнить, что принятие августовского (1944 г.) Постановления совпало со временем вступления на пост Первого секретаря Татарского обкома ВКП (б) первого татарина Зиннэта Ибетовича Муратова. Именно ему пришлось возглавить работу по реализации идеологической чистки в сфере татарской культуры. Это подводит к достаточно очевидному выводу о неслучайном политико-технологическом характере решений в национальном вопросе, а именно стратегии разъедания нации изнутри.

А теперь я бы хотела вернуться к одной из главной мысли данной статьи: констатации завышенной в постсоветской историографии оценки роли Постановления в развитии высокой культуры татарского народа. На мой сегодняшний взгляд, оно не только не сформировало жесткий идеологический каркас, стиснувший творческую деятельность национальной интеллигенции, а в определенной степени придало энергетический импульс интеллектуаль-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 283.

ному дискурсу, породив два основных направления в историософской трактовке Улуса Джучи и этногенеза татар.

Золотоордынский компонент был актуализирован в период демократического потепления на этапе разоблачения культа личности Сталина, т.е. через примерно 10 лет после принятия Постановления, что никак не подкрепляет постулата о замораживании темы Золотой Орды. В этой связи уместно вспомнить о получившем в научных кругах заметный резонанс выступлении А.П. Смирнова на проходившей в 1956 г. в Казани конференции по археологии, где он поставил вопрос ребром о необходимости реабилитации истории Золотой Орды. Ученый заявил: «За последние годы изучение истории Золотой Орды зашло в тупик. Во всех исторических работах учитывается только разгром, только тяжелый гнет золотоордынской знати, только отрицательная сторона ее политики. Благодаря этому мы получаем одностороннюю картину» [28].

Подтверждением того, что такая позиция стала руководством к действию, свидетельствуют плодотворные поиски и наработки специалистов по средневековой истории татар, шедшие в разрез с официальным концептом трактовки национальной истории. Причем исследователи не встречали серьезных препятствий со стороны ревнителей буквы и духа печально известного Постановления.

Активный приверженец важности золотоордынского компонента в ретроспекции татар, М. Сафаргалиев успешно работал над исследованием истории могущественного средневекового татарского государства, сумев в 1960 г. издать труд «Распад Золотой Орды». Его труд нашел и официальное признание и был отмечен орденом «Знак почета» [32, с. 253].

Видный татарский историк М.А. Усманов также много и продуктивно работал по изучению документов, проливающих свет на общественно-политический строй Золотой Орды. Широкое признание получил его труд «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.», опубликованный в 1979 г. Научные достижения этого специалиста по Золотой Орде были отмечены званием «Заслуженный деятель науки» (1984 г.).

Запрет и табу на изучение золотоордынской проблематики, к примеру, входившей в нее истории жизнедеятельности такого эпического исполина, как Идегей, не пугали писателей. В январе 1958 г. на совещании с руководителями Татарского обкома КПСС Салих Баттал, Шайхи Маннур и другие представители творческой интеллигенции громко заявили о важности места Идегея в исторической памяти татарского народа, а также о необходимости дезавуировать некоторые другие оценки истории и культурного наследия татарского народа, исходившие из августовского (1944 г.) постановления ЦК ВКП (б), [4, с. 363]. За пределами моей компетенции лежит профессиональный анализ развития научных школ филологии, фольклористики, археографии, искусствоведения. Но судя по тому, что в этих областях научного гуманитарного знания в 1960–1970-е гг. выходили фундаментальные издания, охватывавшие весь хронологический срез, в них так или иначе отражалась и золотоордынская проблематика. Хотя, как отмечал Д.М. Исхаков, в многотомнике «Татарское народное творчество» эпос «Идегей» не был издан [16, с. 94].

Конечно, дореволюционная проблематика вызывала настороженное отношение со стороны властей. Как я уже писала, в одной из справок КГБ (1960 г.) со скрупулезной точностью указывались количество и перечень

произведений, которые изучали студенты историко-филологического факультета КГУ при подготовке своих дипломных работ по досоветской истории. Так, в списке студентов фигурировали имена впоследствии известных в республике ученых Р. Нафигова, А. Каримуллина, Х. Курбатова. [4, с. 381]. Этот документ прямо свидетельствует о тщательной слежке за ними со стороны соответствующих органов. Все это не могло не сказаться на предпочтениях при выборе направления исследований среди татарских историков. В фаворе были позитивистская ретроспекция социалистического строительства, деятельности Коммунистической партии, советской национальной политики, лениниана.

Развивавшаяся вне политически ангажированного мейнстрима, татарская гуманитаристика тем не менее имела свою нишу, которую, она, кстати говоря, не вполне эффективно использовала. Как свидетельствуют факты, изложенные в публикациях Р.Б. Хаплекхамитова [38, с. 92] и С. Липкина [26, с. 42], в республике не нашлось достаточных сил для использования благоприятных возможностей возвращения в социокультурное пространство народного эпоса «Идегей», хотя в 1957–1958 гг. московский востоковед Эмир Наджип и ученые Института мировой литературы им. Горького готовы были оказать в этом вопросе свою мощную поддержку [4, с. 360].

В связи с освещением роли августовского (1944 г.) Постановления в развитии татарской культуры, хочу обратить внимание на то, что в постсоветской историографии она трактуется только с точки зрения взаимоотношений власти и интеллигенции. Это вполне объяснимо, поскольку по сути документ представляет государственную программу реализации национальной культурно-идеологической политики.

Но я бы хотела остановиться еще на двух почти не раскрытых или едва освещенных аспектах темы.

Первый – прямо не вытекает из контента документа. Он касается внутрикорпоративных отношений в среде татарской интеллигенции. В этой связи я бы хотела адресовать читателя к своей публикации «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки... до сих пор не преодолены». Году литературы посвящается» [5]. Главной мыслью этой статьи является сентенция: под воздействием каких бы то ни было вердиктов не приходилось работать, всегда есть выбор для творческого самовыражения и конструирования собственного делового пространства. В упоминаемой статье анализируется содержание анонимного письма, авторы которого, апеллируя к Постановлению, используют его как орудие травли своих коллег, обвиняя их в архаике, приверженности традиционализму. Результатом этого письма стала присланная из Москвы комиссия, которая «освежила» основные положения Постановления 1944 г. для местных властей. Таким образом, акторами сковывания творческой деятельности, не вписывавшейся в официальные директивы, политических инсинуаций нередко становились не властные структуры, а свои же товарищи, побуждения которых носили нередко «шитый белыми нитками» прагматический характер. Резюмируя данное суждение, хочу обратить внимание, что в татарской историографии не достает трудов именно по внутрикорпоративным отношениям в среде татарской интеллигенции, а также скрытой фронды, профанации и откровенного эпатажа в культурной жизни республики.

Другой почти не затронутой темой в татарстанской историографии является публичный аспект татарской гуманитаристики, значение Постановления в формировании массового сознания. Если в дихотомии «власть и интеллигенция» я считаю рассматриваемый документ переоцененным, то в соотношении «власть и воспитание населения республики» – недооцененным. Как вытекает из выше изложенного, официозные попытки канализировать развитие татарской научной исторической школы носили в чем-то риторический парадный характер. Как справедливо отмечал Д.М. Исхаков, «постановление и ряд конкретных мер, за ним последовавших, не достигли своей цели» [16, с. 93]. Параллельно в среде татарской интеллигенции сохранялся научный дискурс, результатом которого стало явление, называемый в исторической литературе «мирасизмом» [18, с. 36; 9, с. 66].

На мировоззрение основного костяка татарской гуманитарной интеллигенции, имевшей солидный багаж глубоко укорененных идей и знания вековой культуры своего народа, постановление не имело эффективного воздействия. Оппортунистические проявления в творческой среде зачастую имели лишь социетально-практичный характер. Подавляющая часть татарской творческой интеллигенции, в особенности не обремененной должностным статусом, работала, основываясь на сугубо научных методах исследовательской деятельности, лишь формально признавая идеологическую оболочку.

Но деятельность татарских ученых-гуманитариев не имела широкого публичного выхода. Она осуществлялась, как правило, только в узкоспециализированной камерной среде научных конференций и сборников статей. Как бы отвечая теории малых и конкретных дел, она была по сути отдушиной лишь для самих ученых, преданных науке, и служила политкорректным аргументом для демонстрации торжества советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Существуя в капсулированном пространстве, татарская гуманитарная мысль почти не имела связи с просвещением и образованием широких народных масс. И именно в этом заключалось отравляющее свойство сути августовского (1944 г.) Постановления, прямо вытекающего из его формулировки «О состоянии и мерах улучшения *массово-политической* (курсив мой – А.Г.) и идеологической работы в Татарской партийной организации». Оно явилось руководством для местных властей, чтобы достижения татарских интеллектуалов не становились публичным достоянием, в то время как по всей стране миллионами тиражировались московские учебники, в которых средневековая история татар представляла как зловещее иго, абсолютное зло.

Учитывая, что лишь четвертая часть татар проживала в республике, где титульной нацией были татары, золотоордынский феномен в истории Российского государства как фактор исторического воспитания мог бы стать важной опцией для социологических исследований. Она могла бы осветить ситуацию формирования комплекса неполноценности на уроках истории при изучении темы «Татаро-монгольское иго», особенно в регионах, где подавляющей частью населения являлись русскими. В этом плане поколение школьников 1950-х – 1970-х гг. – это настоящее «Эльдорадо» для сегодняшних исследователей идентичности советского народа и по многим другим, замалчиваемым или искажаемым вопросам ее формирования. Изучение вопросов по формированию исторической памяти может служить прак-

тической задаче воспитания толерантности в обществе. Конечно, актуальность этого пассажа не имеет прямого отношения к деятельности медиавистов, но тем не менее, и они должны по большому счету чувствовать ответственность за воздействие на умы и служить преодолению нардофобских настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галиуллина Д.* Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2004. № 2. С. 26–28.
2. *Галлямова А.Г.* В период позднего сталинизма: Торжество идеологии над наукой и искусством // История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. С. 147–154.
3. *Галлямова А.Г.* Идеология и культура татарского народа во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. // История татар с древнейших времен в 7 томах. Том VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. С. 447–461.
4. *Галлямова А.Г.* Идеология и культура // Татарская АССР в период постсталинизма. Казань, 2015. С. 325–445.
5. *Галлямова А.Г.* «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки... до сих пор не преодолены» (Году литературы посвящается) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 84–93.
6. *Галлямова А.Г.* Советская национальная политика и кризис этносоциальной самоидентификации татар в 1940–1980-е гг. // Международная конференция: История сталинизма: советские нации и национальная политика в 1920-е 1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 273–281.
7. *Гимади Х.Г.* «О некоторых вопросах истории Татарии». Вопросы истории. 1951. № 12.
8. *Измайлов И.Л.* Идегей: жизнь, ставшая легендой. Татарстан. 1992. № 1/2.
9. *Измайлов И.Л.* Историческое прошлое как фактор национальной обязанности // Единство татарской нации. Казань: Фэн, 2002. С. 57–75.
10. *Измайлов И.Л.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 96–101.
11. *Измайлов И.Л.* Оценка болгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 57–75.
12. История Казани в документах и материалах. XX век (Под ред. Р.У. Амирханова). Казань: Магариф, 2004. 711 с.
13. История татар с древнейших времен в 7 тт. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1051 с.
14. *Исхаков Д.М.* Научная интеллигенция и национальное самосознание татар (1940–1990-е гг.) // Татарский путь: права народа и политкорректность. Казань: Магариф, 2003. С. 136.
15. *Исхаков Д.М.* Начальный этап национального возрождения татар во второй половине 1980-х гг.: факторы становления // Проблемы социального развития в условиях формирования рыночных отношений: Материалы республиканской социологической научно-практической конференции. Казань, 1993. С. 110–112.
16. *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер-Лайн, 1997. 248 с.

17. *Исхаков Д.М.* Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. 2. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 5–26.
18. *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. Казань, Институт истории АН РТ, 1997. С. 31–58.
19. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Айсберги прошлого // Tatarica: Библиотека журнала «Панорама-Форум». Казань, 1992. С. 20–26.
20. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Урок полуграмотной истории // Татарстан. 1995. № 9–10. С. 102–111.
21. *Кабирова А.Ш.* Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. 2015. № 1(4). С. 98–109.
22. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань, 2015. 508 с.
23. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
24. Культурное строительство в Татарии (1941–1970): Документы и материалы / под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 520 с.
25. *Леушин М.* История татар перед судом ЦК ВКП (б) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 84–85.
26. *Липкин С.* «Постепенно Сталин пришел к выводу «Хуже татар никого нет...» // Татарстан. 1993. № 1.
27. *Мухаметдинов Р.Ф.* Татарское инакомыслие // Идеино-политические течения в постсоветском пространстве (1991–2006): Сопоставление с опытом Турции. Казань: Изд-во «Гамга», 2006. С. 53–57.
28. Овчинников А.В. Научная и педагогическая деятельность А.П. Смирнова [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/aponymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/001/001_4/ (Дата обращения: 09.09.2019).
29. *Пискарёв В., Султанбеков Б., Гибадуллина Р.* «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1997. № 1–2. С. 81–111.
30. Постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г. «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 101–102.
31. *Сафаргалиев М.* Один из спорных вопросов истории Татарии. Вопросы истории. 1951. № 7. С. 74–80.
32. Сафаргалиев Магомед // Татарская энциклопедия. Т. 5. Казань: Институт ТЭ, 2010. С. 253.
33. *Султанбеков Б.Ф.* «Идегей», Сталин и наше время // Страницы секретных архивов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. С. 203–235.
34. *Султанбеков Б.Ф.* Татарстан. XX век: Личности. События. Документы. Книга первая: Личности / Книга для учителя. Казань: ТаРИХ, 2003. – 236 с.
35. *Султанбеков Б.Ф.* Татарстан. XX век. Личности. События. Документы. Книга вторая: События, Документы. Публицистика / Книга для учителя. Казань: ТаРИХ, 2003. 295 с.
36. *Тагиров И.Р.* На идеологическом фронте // Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Тат. кн. изд-во, 1999. С. 335–337.
37. *Файзрахманов Г.Л.* Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы: К 50-летию ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 96–122.
38. *Хаплекамитов Р.Б.* Татарская творческая интеллигенция и власть (1944–1965 гг.). Казань, 2011.

Сведения об авторе: Альфия Габдульнуровна Галлямова – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Казань, ул. Батурина, 7А, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Поступила 22.05.2019 Принята к публикации 20.08.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Galiullina D. Obsuzhdenie nekotorykh aspektov istorii tatarskogo naroda na kafedre istorii SSSR KGU vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [Discussion of some aspects of the history of the Tatar people at the Department of History of the USSR of Kazan State University in the second half of the 1940s]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages], 2004, no. 2, pp. 26–28. (In Russian)
2. Gallyamova A.G. V period pozdnego stalinizma: Torzhestvo ideologii nad naukoj i iskusstvom [During the Period of Late Stalinism: The Triumph of Ideology over Science and Art]. *Istoriya Tatarstana: modernizatsiya po-sovetski (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of Tatarstan: The Soviet Style of Modernization (Second Half of the 1940s – First Half of the 1980s)]. Kazan: Magarif, 2010, pp. 147–154. (In Russian)
3. Gallyamova A.G. Ideologiya i kul'tura tatarskogo naroda vo vtoroy polovine 1940-kh – seredine 1980-kh gg. [The Ideology and Culture of the Tatar People in the Second Half of the 1940s – mid-1980s.] *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v 7 tomakh. Tom VII: Istoriya Tatarstana: modernizatsiya po-sovetski (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of Tatars from Ancient Times in Seven Volumes. Vol. VII: Tatars and Tatarstan in the 20th – Beginning of the 21st Century]. Kazan, 2013, pp. 447–461. (In Russian)
4. Gallyamova A.G. Ideologiya i kul'tura [Ideology and Culture]. *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma* [The Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the Period of Post-Stalinism]. Kazan, 2015, pp. 325–445. (In Russian)
5. Gallyamova A.G. «Otmehavshiesya v postanovlenii TsK VKP(b) nedostatki... do sikh por ne preodoleny» (Godu literatury posvyashchaetsya) [“The Shortcomings Noted in the Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks ... Have Not Yet Been Overcome” (Dedicated to the Year of Literature)]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 2015, no. 1/2, pp. 84–93. (In Russian)
6. Gallyamova A.G. Sovetskaya natsional'naya politika i krizis etnosotsial'noy samoidentifikatsii tatar v 1940–1980-e gg. [Soviet national policy and the crisis of ethnosocial self-identification of Tatars in the 1940–1980s]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya: Istoriya stalinizma: sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920-e – 1950-e gg.* [International Conference: The History of Stalinism: Soviet Nations and National Politics in the 1920–1950s]. Moscow: ROSSPEN, 2014, pp. 273–281. (In Russian)
7. Gimadi H.G. O nekotorykh voprosakh istorii Tatarii [On Some Issues of the History of Tatarstan]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1951, no. 12. (In Russian)
8. Izmailov I.L. Idegey: zhizn', stavshaya legendoy [Idegei: The Life Which Became a Legend]. *Tatarstan*. 1992, no. 1/2. (In Russian)

9. Izmailov I.L. Istoricheskoe proshloe kak faktor natsional'noy obyazannosti [The History as a Factor of National Responsibility]. *Edinstvo tatarskoy natsii* [The Unity of the Tatar Nation]. Kazan: Fen, 2002, pp. 57–75. (In Russian)

10. Izmailov I.L. «Ne dano marksistskoy otsenki Zolotoy Orde» [“There Is Not a Marxist Assessment of the Golden Horde”]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 96–101. (In Russian)

11. Izmailov I.L. Otsenka bulgarskogo perioda v tatarskoy istorii: nauchnye kontseptsii i obshchestvennoe soznanie [Assessment of the Bulgarian Period in Tatar History: Academic Concepts and Public Consciousness]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National History of Tatars: Theoretical and Methodological Introduction]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 57–75. (In Russian)

12. *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XX vek* (Pod red. R.U. Amir-khanova) [The History of Kazan in Documents and Materials. The Twentieth Century (edited by R.U. Amirkhanov)]. Kazan: Magarif, 2004. 711 p. (In Russian)

13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v 7 t. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from Ancient Times in 7 vols. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). The thirteenth – mid-fifteenth century]. Kazan, 2009. 1051 p. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. Nauchnaya intelligentsiya i natsional'noe samosoznanie tatar (1940–1990-e gg.) [The Scientific Intelligentsia and the National Identity of the Tatars (1940–1990s)]. *Tatarskiy put': prava naroda i politikorrektnost'* [The Tatar Way: The Rights of the People and Political Correctness]. Kazan: Magarif, 2003, pp. 136. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. Nachal'nyy etap natsional'nogo vrozozhdeniya tatar vo vtoroy polovine 1980-kh gg.: faktory stanovleniya [The Initial Stage of the National Revival of the Tatars in the Second Half of the 1980s: Factors of Formation]. *Problemy sotsial'nogo razvitiya v usloviyakh formirovaniya rynochnykh otnosheniy: Materialy respublikanskoy sotsiologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of Social Development in the Conditions of the Formation of Market Relations: Materials of the Republican Sociological Scientific and Practical Conference]. Kazan, 1993, pp. 110–112. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. *Problemy stanovleniya i transformatsii tatarskoy natsii* [Problems of Formation and Transformation of the Tatar Nation]. Kazan: Master Line, 1997. 248 p. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. Rol' intelligentsii v formirovanii i sovremennom funktsionirovanii natsional'nogo samosoznaniya tatar [The Role of Intelligentsia in the Formation and Modern Functioning of the National Identity of the Tatars]. *Sovremennye natsional'nye protsessy v Respublike Tatarstan* [Modern National Processes in the Republic of Tatarstan]. Vol. 2. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 1994, pp. 5–26. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. Sovremennyy natsionalizm tatar [The Modern Nationalism of the Tatars]. *Tatarskaya natsiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Tatar Nation: Past, Present, Future]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 1997, pp. 31–58. (In Russian)

19. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Aysbergi proshlogo [Icebergs of the Past]. *Tatarica: Biblioteka zhurnala «Panorama-Forum»* [Tatarica: Library of the Journal “Panorama-Forum”]. Kazan, 1992, pp. 20–26. (In Russian)

20. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Urok polugramotnoy istorii [A Lesson in Semi-literate History]. *Tatarstan*. 1995, no. 9–10, pp. 102–111. (In Russian)

21. Kabirova A.Sh. Tatarskiy natsional'nyy faktor kak element ideologicheskoy liberalizatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Tatar National Factor as an Element of Ideological Liberalization during the Great Patriotic War]. *Tatarica*, 2015, no. 1 (4), pp. 98–109. (In Russian)
22. Kabirova A.Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941–1945 gg.)* [Tatarstan during the Years of Military Trials (1941–1945)]. Kazan, 2015. 550 p. (In Russian)
23. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov. Tom VII: 1938–1945* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Vol. 7: 1938–1945]. Moscow: Politizdat, 1985. 557 p. (In Russian)
24. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii (1941–1970): Dokumenty i materialy* [Cultural Construction in Tatarstan (1941–1970): Documents and Materials]. M.K. Mukharyamova (ed.). Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1976. 520 p. (In Russian)
25. Leushin M. Istoriya tatar pered sudom TsK VKP (b) [History of the Tatars before the Court of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 84–85. (In Russian)
26. Lipkin S. «Postepenno Stalin prishel k vyvodu «Khuzhe tatar nikogo net...» [“Gradually, Stalin Came to the Conclusion: ‘There Is Nobody Worse Than the Tatars ...’”]. *Tatarstan*, 1993, no. 1. (In Russian)
27. Mukhametdinov R.F. Tatarskoe inakomyslie [The Tatar dissent]. *Ideynopoliticheskie techeniya v postsovetском prostranstve (1991–2006): Sopostavlenie s opytom Turtsii* [Ideological and Political Trends in the Post-Soviet Space (1991–2006): Comparison with the Experience of Turkey]. Kazan: Tamga, 2006, pp. 53–57. (In Russian)
28. Ovchinnikov A.V. *Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' A.P. Smirnova* [Scientific and Pedagogical Activity of A.P. Smirnova]. Available at: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/001/001_4/ (last accessed 09.09.2019). (In Russian)
29. Piskarev V., Sultanbekov B., Gibadullina R. «Etot uchebnyk ne vyderzhivaet bol'shevistskoy kritiki» [“This Textbook Does not Withstand Bolshevik Criticism”]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1997, no. 1–2, pp. 81–111. (In Russian)
30. Postanovlenie byuro Tatarskogo obkoma VKP(b) ot 6 oktyabrya 1944 g. «Ob oshibkakh i nedostatkakh v rabote Tatarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii» [Resolution of the Bureau of the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of October 6, 1944 “On Errors and Deficiencies in the Work of the Tatar Research Institute of Language, Literature and History”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages], 1996, no. 3/4, pp. 101–102. (In Russian)
31. Safargaliev M. Odin iz spornykh voprosov istorii Tatarii [One of the controversial issues of the history of Tatarstan]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1951, no. 7, pp. 74–80. (In Russian)
32. Safargaliev M. *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Vol. 5. Kazan: Institute of TE, 2010, pp. 253. (In Russian)
33. Sultanbekov B.F. «Idegey», Stalin i nashe vremya [“Idegei”, Stalin and our time]. *Stranitsy sekretnykh arkhivov* [Pages of Secret Archives]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994, pp. 203–235. (In Russian)
34. Sultanbekov B.F. *Tatarstan. XX vek: Lichnosti. Sobytiya. Dokumenty. Kniga pervaya: Lichnosti. Kniga dlya uchitelya* [Tatarstan. The Twentieth Century: Persons. Developments. Documents. Book One: Personalities. Book for the Teachers]. Kazan: TARIH, 2003. 236 p. (In Russian)

35. Sultanbekov B.F. *Tatarstan. XX vek. Lichnosti. Sobytiya. Dokumenty*. Kniga vtoraya: *Sobytiya, Dokumenty. Publitsistika. Kniga dlya uchitelya* [Tatarstan. The Twentieth Century. Personalities. Developments. Documents. Book Two: Events, Documents. Publicism. Book for the Teachers]. Kazan: TARIH, 2003. 295 p. (In Russian)

36. Tagirov I.R. Na ideologicheskom fronte [On the ideological front]. *Ocherki istorii Tatarstana i tatarskogo naroda (XX vek)* [Essays on the History of Tatarstan and the Tatar People (twentieth century)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1999, pp. 335–337. (In Russian)

37. Fayzrakhmanov G.L. Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v sorokovye – vos'midesyatye gody: K 50-letiyu IYaLI im. G. Ibragimova KFAN SSSR [The development of humanitarian research in the 1940–80s: On the occasion of the 50th anniversary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History]. *Velikiy Oktyabr' i nekotorye voprosy formirovaniya tatarskoy sotsialisticheskoy natsii* [The Great October and Some Issues of the Formation of the Tatar Socialist Nation]. Kazan, 1989, pp. 96–122. (In Russian)

38. Khaplehamitov R.B. *Tatarskaya tvorcheskaya intelligentsiya i vlast' (1944–1965 gg.)* [The Tatar Creative Intelligentsia and Power (1944–1965)]. Kazan, 2011. (In Russian)

About the author: Alfiya G. Gallyamova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>. E-mail: alfiya1955@gmail.com

*Received May 22, 2019 Accepted for publication August 20, 2019
Published December 29, 2019*